

«Не гордися силой длани...»

Императив в поэзии А.С. Хомякова

© Л. А. РЫЖКОВ

В статье рассмотрены случаи актуализации и воплощения русской идеи через императивные формы в стихотворениях историософской и панславистской направленности, написанные А.С. Хомяковым в славянофильский период творчества.

Ключевые слова: императив, русская идея, поэзия, Хомяков, Россия.

Поэтическая материализация русской идеи в стихотворных текстах А.С. Хомякова осуществляется без прямой вербализации данной категории, процесс определения которой начал оформляться в соответствующих словарях лишь в наши дни. Русская идея, являющаяся для славянофильской поэзии Хомякова фундаментальной, в виде своей поэтизированной версии явно или имплицитно представлена смыслами, категориями и конструктами религиозно-философского (миссианизм, провиденциализм, соборность), религиозно-национального (молитвенность, братолюбие, гордыня), национально-политического (панславизм) содержания. В данной статье мы поговорим о доминирующих, определяющих функциях императивных построений в поэтической системе А.С. Хомякова, складывавшейся в 40-е–50-е годы XIX века и в большинстве своем подчиненной русско-православной идее.

Хомяков, безусловно, первопоэт в деле поэтизации и художественно-образного утверждения русской идеи (в ее авторской концепции). Четверть века, с 1835 до 1860 года (года своей кончины) Хомяков-поэт воспевал русскую идею в своих стихах, причем в поэтических текстах она появилась гораздо раньше, чем в философских и публицистических работах, что дает основание датировать начало славянофильского периода творчества не 1839 годом (выход программной статьи «О старом и новом»), а 1835-м, когда в «Московском наблюдателе» было опубликовано стихотворение «Мечта». Надо заметить, что и в «дославянский»

период в поэзии будущего лидера славянофильского движения обнаруживается немало идей и мотивов, соотносимых с русской идеей и как бы создающих ее зачин. Возвращаясь к нашей теме, отметим, что из полусотни стихотворений славянофильского периода, большинство из которых проявляют различной активности и силы отношения с русской идеей, чуть ли не половина имеет императивный план выразительности. В предисловии к сборнику Хомякова Б.Ф. Егоров замечает: «...в славянофильский период, вплоть до середины 50-х годов, почти все программные стихотворения Хомякова – императивны: “Орел”, “Гордись! – тебе льстецы сказали...”, “Не говорите: ...То былое...”, “Вставайте! Оковы распались...”, “России”, “Раскаявшейся России”» [1. С. 36].

Авторский императив максимально актуализирует философский, идеологический, религиозный и проблемный спектры русской идеи в ее поэтической версии. При этом создается новый образ России, раскрываются его внешние и внутренние состояния. Хомяков по-своему использует традиции одического жанра XVIII века, в поле которого первоначально отечественного стихотворчества периодически активизировали императивный слог. В.Б. Сорокин в этой связи пишет: «Поэты выражали свои чувства к России, используя повелительное наклонение: “Ликуй, Российская держава!” (А.П. Сумароков); “Восстань, Россия, оживляйся!” (И.С. Барков); “Красуйся, счастлива Россия! Восторгом радостным пылай!” (В.В. Капнист)» [2]. Если же говорить об использовании императивной речи как о традиции всей русской поэзии, то императивносодержащие тексты Хомякова, несомненного приверженца философско-поэтической рефлексии во все периоды своего творчества, вполне соотносятся с соответствующими стихами поэтов «первого ряда», в адрес которых Э.В. Слина замечает: «Поэты, которые стремятся в лирике к философским обобщениям, к познанию общественных истин, обычно склонны к императивности (Державин, Баратынский, Тютчев, Заболоцкий)» [3]. По тематике и идеологии ближе всех к императивной риторике Хомякова стоит императивность Ф.И. Тютчева. Вот отрывок из стихотворения «Рассвет»: «Вставай же, Русь! Уж близок час! / Вставай Христовой службы ради!» [4].

В непоэтическом тексте императивы ограничены однородностью морфологических и синтаксических функций, а попадая в стих, приобретают дополнительные функциональные значения, обусловленные законами авторского художественного стиля и образно-художественного пространства. С одной стороны, поэтическая императивизация стихотворного ряда катализирует энергетику восприятия авторской мысли адресатом, насыщает динамику воплощения идейного замысла. С другой стороны, играет определяющую роль в композиционном созидании стихотворного произведения или встраивается в сферу поэтического синтаксиса. Посредством императивной риторики Хомяков усиливает

актуализацию идейного посыла, прокладывает первостепенные связи между идеей и образом России. Использованные в статье поэтические тексты, в которых императивы идентифицируются как многофункциональные составляющие авторской поэтики и текстового пространства, условно можно разбить на несколько смысловых групп, отражающих соответствующие сущности и стороны русской идеи.

В 1835 году, на рубеже обновления творческих ориентиров, Хомяков пишет стихотворение «Мечта», в оформлении идейно-кульминационной части которого важнейшую функцию выполняют императивы: «Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом, / Проснися, дремлющий Восток!» [5. С. 103]. В пределах восходящего императивно-градационного ряда актуализируются ключевые смыслы и категории русской идеи в ее связанности с образом России. Находящаяся в исторической дремоте, не использующая свой потенциал Россия в стихотворении «Восток» призывается к пробуждению, так как на то есть Господня воля (провиденциализм), в стихотворении именуемая как *глас судьбы*, дабы воспрянув панацею духовного обновления (православие), осуществлять идею будущего (мессианизм). В более позднем стихотворении «Суд Божий» императивно-восклицательная тирада «Мечты», адресованная России, сменится обращением к миру следовать за новой Россией в новое духовно-спасительное будущее: «Сбирайтесь к Востоку, народы!» (134). А в стихотворении «Ключ» поэт побуждает заглянуть в это самое будущее, создает картину востребованности русско-православной идеи в мире: «Смотрите... / Как к берегу чуждые народы / С духовной жаждой собрались!» (104).

Актуализируется и поэтизируется мессианская ипостась России и ее идеи. Началом 1841 года датируется стихотворное произведение «Еще об нем», входящее в трехчастный цикл о Наполеоне. В кульминации третьего пятистишия императивно-рефренное и вопросительно-восклицательное усиление направляет к метафоризированному смыслу, заключенному в сочетании *утро с Востока*, и вновь указующему на мессианский жребий России как страны-сотворительницы очищающей культурно-православной эры. А далее императивный повтор еще раз подчеркивает всечеловеческую нужду в русской идее. Повелительное наклонение создает эмоциональный антураж для авторского идейно-поэтического посыла: «Скажите, не утро ль с Востока встает? / Скажите!.. Мир жадно и трепетно ждет /... Властительной мысли и слова!..» (103). Эти стихотворения объединены пространством историсофской оппозиции, которая в многожанровом и многоуровневом творчестве Хомякова является детерминирующей. Речь идет об оппозиции Восток (Россия)–Запад (Европа), где Россия отождествляется с глобальной исторической перспективой (*утро с Востока встает*), а Европа – с историческим прошлым (*Задернут Запад весь. Там будет мрак глубокий*).

Императивные конструкции (градация, риторический вопрос, рефрен), отражая особенности авторского поэтического синтаксиса, выполняют задачу динамизаторов актуальнейшей для Хомякова историософской проблемы, представленной оппозиционной антитезой Восток–Запад и многократно соотносимой с составляющими русской идеи.

Следующая группа стихотворений, состоящая из трех произведений, является самой императивонасыщенной и русскоидеиной во всем поэтическом творчестве А.С. Хомякова. Б.Ф. Егоров указывает: «Друзья-единомышленники (Хомякова) воспринимали эти стихотворения как программные...» (36). Уже в их названиях – «России» (1839 г.), «Раскаившейся России», «России» (1854 г.) – заложен громогласный призыв. Вырисовывается поэтическая модель русской идеи со всеми ее основополагающими смыслами и категориями, которые в стихотворном тексте концентрируют в себе центральные положения философских и религиозных концепций Хомякова-философа. Все три стихотворения выдержаны в одном интонационно-метрическом ключе и настолько близки в плане композиционно-смысловой организации, что вполне свободно могут рассматриваться единым текстуральным образованием даже при условии смешения стихов. Каждая стиховая строка – как отдельная ссылка, предлагающая доступ к одной из авторских концепций, обретающих «орбиту» существования благодаря «гравитационной» энергии русской идеи. И почти к каждой строке «приставлен» свой императив. Провиденциальные значения сменяет импульс возрождения мироустройства Древней Руси, в стихи о мессианском предназначении России вкрапляются категории религиозно-философских учений. От провиденциализма – к духу русской старины (дотатарской Руси) с ее народно-православным порядком, который идеализировали славянофилы, и далее – к идее духовного спасения народов и делу освобождения балканских славян.

При этом императивы, оформляя композиционную канву, поддерживают устойчивость неослабевающего призыва: «О, вспомни свой удел высокой!» (112), «И встань потом верна призванью... / Вставай, страна моя родная /... Бог тебя зовет» (138–139); «Былое в сердце воскреси / Ты духа жизни допроси! / Внимай ему – и все народы, / Обняв любовь свою, / Скажи им таинство свободы, / Сиянье веры им пролей!» (112), «Держи стяг Божий крепкой дланью» (137), «Иди! тебя зовут народы! / Даруй им дар святой свободы, / Дай мысли жизнь, дай жизни мир!» (137–138). Так каждая отдельная глагольно-побудительная форма благодаря своим морфологическим и интонационным особенностям передает идейные акценты.

Для императивно-поэтического поля русской идеи Хомякова характерны лексические повторения глаголов повелительного наклонения. Говоря о лексико-грамматических повторах (совпадение корня и накло-

нения), мы имеем в виду не только рефренные повторы внутри одной строфы или стихотворения, а повторения, связывающие цельные поэтические произведения или их самодостаточные в свете определенных критериев части. В этой связи следует отметить общность стихотворений, всем текстом или частично группирующихся вокруг идеи освобождения и единения славянских народов. Императивы данной группы, совпадая лексически с родственными словоформами, обнаруживают признаки тождественности актуализируемых смыслов, вплетающихся в парадигму главной идеи. Так, в стихотворении «России» 1839 года и в панславистском стихотворении «Не гордись перед Белградом» императив памяти объединяет тексты импульсом призыва к оживлению национально-исторической памяти. Только в первом случае императивный стих «О, вспомни свой удел высокой!» (112) отсылает нас к XVI веку и к историософской идеологеме псковского монаха Филофея «Москва – Третий Рим», а во втором стихе «Вспомним: мы родные братья, / Дети матери одной» (142) к общей для славян религиозно-исторической родословной. А в стихотворениях «России» 1854 года и «Вставайте! Оковы распались» императивы со значением решительного действия сходятся в призыве к солидарной борьбе всех славянских народов против турецкого ига: «Вставай, страна моя родная, / За братьев...» (136); «Вставайте, славянские братья, / Болгарин, и серб, и хорват!» (133).

В поэзии Хомякова императивы пробуждения в составе фраз с историософско-метафорическим подтекстом сближают идею освобождения славян: «Проснитесь, гнезда орлов!» (133–134) и русскую идею: «Проснися, дремлющий Восток!» (103), а императивы визуализации помимо этого, а также в метафорических сочетаниях, подчеркивают оптимистические итоги русско-славянского исторического продвижения: «Смотрите, как мрак убегает, / Как месяц двурогий угас!» (133–134) и «Смотрите... / Как к берегу чуждые народы / С духовной жаждой собралась!» (104). Побудительные глаголы (особенно в контексте соответствующей тематики) по-своему подтверждают суждение Н.А. Бердяева о воинственности как об одной из сторон личности и творчества Хомякова. Русский философ пишет следующее: «Воинственность – характерная черта Хомякова. Черта эта сказалась... и в воинственной манере писать, и в любви к диалектическим боям. Стихи его – почти исключительно воинственны...» [5].

Приведем соответствующие примеры из поэтических текстов: «Вставайте! Оковы распались... / Вскипите ж, славянские волны!» (133–134) или: «Борись за братьев крепкой бранью / Рази мечом-то Божий меч!» (137). В стихотворении «Орел» императивные повторения – одновременно и атрибут поэтического синтаксиса, и «воспламенители» идейно-поэтического градуса. Но, в отличие от предыдущих текстов, они притягивают адресата не столько к идее освобождения славян, сколько

к русской идее для славян и далее, к идее общих духовных ценностей и единого исторического будущего: «Питай их пищей сил духовных, / Питай надеждой лучших дней / И хлад сердец единокровных / Любовью жаркою согрей!» (101).

В поэтическом мире А.С. Хомякова функциональная загруженность императивов могла выступать ядром идейного заряда и основным элементом композиционного построения. Императив реализуется в качестве ключа к идейному «шифру» текста. Так, в первой части стихотворения «России» 1839 года *не гордись* дважды обрывает умышленную патетику панегирических стихов, возвеличивающих образ России, создавая внутриидейный контраст: «Земля с увенчанным челом... / Полмира взявшая мечом! ... / ... не гордись!» и далее «Пусть пред твоим державным блеском / Народы робко клонят взор... / ... не гордись!» (110–111). Возникающий в результате этого имплицитный синонимический ряд причинно-следственных оппозиций (могущество / гордыня, внешнее величие / национальное смирение, гордость (достоинство) национальная гордыня) оформляет композиционный план и отражает грани идейного воплощения, которые сходятся в императивной антититезе *гордись / не загордись*. Императив *не гордись (не загордись)* несет семантику предостережения от национального самовозвышения, вызванного возрастающим геополитическим статусом России и грозящего ей разрушением всеобразующих православных устоев, этно-ментальных соборных скреп. Императив воплощает в себе условия мессианского воздвижения русской идеи.

Схожая функционально-идеологическая программа у императивного сочетания *не гордись* прослеживается и в стихотворении «Не гордись перед Белградом», только вектор призыва-предостережения направлен не в плоскость русской идеи (для России), а в плоскость русско-славянской идеи духовного объединения славян: «Не гордись перед Белградом... / Не гордись перед Вышеградом, / Златоверхая Москва! ... / Не гордись силой длани...» (125). Императив провозглашает и воплощает главный для Хомякова относительно этой идеи принцип: союз народов в условиях равенства, свободы и веры: «Все велики, все свободны... / Крепки верою одной» (125). В случае с повелительным сочетанием *не гордись* к созвучию призыва и предостережения добавляется еще и тембр дидактичности.

Именно за нравоучительные и пророческие интонации его поэзии ополчались на Хомякова многие знаменитые современники. Можно вспомнить гневные слова Евдокии Ростопчиной, обращенные к М.П. Погодину после прочтения стихотворения Хомякова «России» 1854 года: «Неужели вы разделяете мнение нового Иеремии и довольны его гнусными клеветами против России и ее народа» [6]. В данной ситуации заостряется вопрос о корректности использования поэтом императив-

ного призыва с коннотациями назидания, поучения, предостережения или порицания, если он выходит за пределы субъективно-личного пространства. А Хомяков призывает и предупреждает в масштабах России. И если в панславистских стихотворениях императивы – обязательный атрибут жанра, а именно прокламационно-идеологической поэзии, то в случаях с такими произведениями, как «России» 1854 года, «Раскавшейся России», и в меньшей степени «Не говорите: “То былое...”», императивы провозглашают непосредственно русскую идею, размах которой и спровоцировал такой разнящийся общественный резонанс.

Может справедливо возникнуть вопрос: «А по чину ли берет автор?». Но есть факты, ведая о которых можно и не касаться данного вопроса. Во-первых, ко времени публикации стихотворений Хомяковым уже были написаны многие богословские произведения, признанию которых русской православной церковью мешало в основном отсутствие у него официально полученного церковного образования и соответственно определенного духовного сана. Во-вторых, религиозно-философские работы А.С. Хомякова в XX веке признаны как в научной среде, так и в кругу религиозных деятелей. В-третьих, всем известный уровень воцерковленности Хомякова не допускает видеть в его риторике высокомерие или минутную прихоть. На фундаментальных глаголах проповеди (*молитесь, кайтесь, не гордитесь, исцели, прости*), на пафосе решительности, категоричности и уверенности держится все славянофильское творчество А.С. Хомякова.

Литература

1. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. (В круглых скобках номера стр.).
2. Сорокин В.Б. «Восстань, Россия, оживляйся!». Императив в поэзии XVIII века // Русская речь. 2011. № 4. С. 5.
3. Слинина Э.В. Мысль о будущем и императивная форма речи в лирике Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991. С. 88.
4. Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. М., 1999. С. 105.
5. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С. 271.
6. Цит. по: А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист // По материалам междунар. науч. конф. Сб. статей. М., 2007. С. 79.

*Мичуринский государственный
аграрный университет*